

Кондратенко Константин Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры конфликтологии
Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов

Смаль Светлана Владимировна

кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена

**МОДЕЛИРОВАНИЕ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР
СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА:
ОСНОВНЫЕ «ЛИНИИ РАЗЛОМА»
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Аннотация:

Статья посвящена исследованию идентичности российских граждан, соотношению «горизонтального» (многоаспектного) и «вертикального» (экзистенциального) векторов идентичности. Основной проблемой статьи является ценностная конверсия в российском обществе, при которой идеальная и реальная иерархии ценностей у представителей различных социальных классов и групп замещают друг друга: этническая ценность становится экономической, социальная – религиозной, экзистенциальная – повседневной.

Ключевые слова:

идентичность, российская идентичность, экзистенциальные ценности, гражданская идентичность, этническая идентичность, религиозная идентичность, модель конфликта, конфликтологическое моделирование.

Kondratenko Konstantin Sergeevich

PhD in Philosophy, Assistant Professor,
Conflict Resolution Studies Department,
St.-Petersburg Liberal Arts University of
Trade Unions

Smal Svetlana Vladimirovna

PhD in Political Science,
Assistant Professor,
Political Science Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia

**THE MODELING OF
EXISTENTIAL STRUCTURES OF
THE MODERN SOCIETY:
THE MAIN "FAULT LINES" OF
THE RUSSIAN IDENTITY**

Summary:

The article studies the identity of Russian citizens, correlates "horizontal" (multi-dimensional) and "vertical" (existential) vectors of the identity. The main object of the research is the value conversion in the Russian society, where ideal and real hierarchy of values of representatives of different social classes and groups substitute each other: the ethnic value becomes an economic one, the social becomes a religious, and the existential becomes an everyday.

Keywords:

identity, Russian identity, existential values, civic identity, ethnic identity, religious identity, conflict model, conflict resolution modeling.

Концептуальное освещение проблемы идентичности есть не только следствие «духа времени», вызванное новой эпохой перемен в российском обществе, но также и попытка исследования с помощью научной методологии экзистенциальных потребностей человека, основные из которых были выделены Э. Фроммом: потребность в установлении связей, в преодолении, в корнях, в идентичности, в системе взглядов и преданности [1, с. 296–301]. Если следовать исторической логике, то вопрос об этнической, религиозной и гражданской идентичности, тесно связанный с проблемой национального развития, переходит в фазу «окончательного разрешения», обусловленный не столько желанием объяснить мир, сколько потребностью изменить его.

Первый этап проблематизации идентичности – *фундаментальный* – в России проходил в 40–80-е гг. XIX в. и был связан с поиском финального основания для дальнейшего развития государства. Такими основаниями выступали западная культура или национальная самобытность, «разумный эгоизм» или «мессианство», социально-утопическая идея или возврат к народным, национальным, традиционным началам (И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, П.В. Анненков, В.П. Боткин, М.Н. Катков, И.В. Киреевский, Е.Ф. Корш, А.В. Никитенко, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, Н.Г. Чернышевский, Ф.В. Чижов, Б.Н. Чичерин и др.) [2].

Второй этап – *экзистенциальный* – был направлен на выявление экзистенциальных свойств русского народа, анализ менталитета и специфики восприятия мира русскими людьми. Вынужденная эмиграция многих известных мыслителей и ученых в 1922 г. только усилила споры о сущности «русской идеи». В этом свете уместно упомянуть работы Г.Г. Шпета «Введение в этническую психологию», Н.О. Лосского «Характер русского народа», С.Л. Франка «Русское мировоззрение», И.А. Ильина «О грядущей России» и др. [3].

Экзистенциальные требования постперестроечной эпохи породили третий, современный этап в исследовании идентичности – *проективный*, суть которого сводится к анализу ментальных факторов, способных скорректировать политический и социальный курс развития страны (проблемами этнической, гражданской и религиозной идентичности в России занимаются Л.М. Дробужева, З.А. Жаде, Э.А. Паин, Г.Г. Салихов, О.Б. Скородумова, В.А. Тишков, В.Г. Федотова [4] и другие исследователи).

Примечательно, что некоторые авторы избегают называть жителей современной России русскими. Так, например, Л.Г. Бызов в статье «Современная Россия: в поисках новой национальной субъектности» указывает на то, что «для «новорусской» генерации россиян, активно формирующейся последние десятилетия, наблюдается утрата мифов, автостереотипов, культурных доминант, во многом определявших особенности русской цивилизации на протяжении столетий. Соответственно, закономерным является вопрос, вокруг какой нации будет сформировано национальное государство: собственно русской или «новорусской» [5, с. 147]. В современных россиянах, действительно, сложно найти что-либо от русских традиций: «Негативный неукорененный индивид, не имеющий связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей (аномии) и изоляции» [6, с. 42–43], – такое описание нашего соотечественника весьма характерно для трудов российских исследователей общественной жизни. Что же касается современной демифологизации и крушения идолов, то, напротив, многие россияне «ходят в “Атриум” – этот пантеон потребительских и развлекательных возможностей – и другие места развлечений, как в церковь, находя там успокоение, радость и самореализацию» [7, с. 43–44].

Впрочем, экзистенциальное отчуждение, констатируемое В.Г. Федотовой, не находит подтверждения в идентификации современными русскими традиционно свойственных им черт характера. В свое время еще Н.М. Карамзин указывал на такие свойства характера древних славянских племен, как храбрость и хищность, жестокость и природное добродушие, гостеприимство и мстительность [8], то есть на характерные свойства диких зверей, имеющих все же зачатки высокой культуры и нравственности. Только религия и образованность, по мнению Н.М. Карамзина, «очеловечили» славян, добавив в безликий этнический код высший смысл и моральные принципы: «Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и веры истинной, со спокойною совестью могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в люто-сти!» [9, с. 71]. Что же касается ценности свободы русского народа, о которой писал Н.О. Лосский, свободы духа, выражающейся в презрении к материальному в угоду духовному [10, с. 274–282], то здесь мыслитель подменяет этническое и национальное: дохристианские славянские племена, «сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека» [11, с. 82].

Любопытно сравнить эти высказывания классиков с данными современных исследований. Так, например, согласно результатам исследовательского проекта «Исследование особенностей российского менталитета в восприятии контрастов информационной среды и реальной жизненной ситуации», 49 % экспертных мнений свидетельствуют о том, что российская ментальность не является сложившимся социокультурным феноменом, а современный образ России в первую очередь ассоциируется с воровством, коррупцией, несправедливостью, беззаконием и безнаказанностью. Положительные отзывы, в свою очередь, связаны большей частью с образом СССР и его достижениями. Соцопрос, проводимый в рамках того же проекта, показал, что основными качествами российского менталитета опрошенные группы респондентов считают добродушие (доброжелательность, открытость, отзывчивость, гостеприимность – 65 %), а также сумасбродство и бескультурье (безрассудство, непредсказуемость, русский «авось», лоботрясничество, хабальство, пьянство, лень – 48 %). 25 % опрошенных российских эмигрантов, представителей стран СНГ и иностранцев отличительной чертой россиян назвали жестокосердие (хамство, жестокость, алчность). В свою очередь, все группы респондентов при ответе на вопрос «Кто такие россияне?» указали на проживание на территории РФ и наличие статуса гражданина РФ.

К вышесказанному можно добавить множество мнений ученых, экспертных оценок и данных соцопросов. Однако вывод напрашивается сам собой: *у современных русских не вытравлен этнический код, все архетипические черты характера в наши дни полностью сохранены: характера исконного, первобытного, природного, доцивилизационного. Все признаки, на которые указали эксперты, характеризуют государство как неоязыческое, варварское, стихийное, что полностью совпадает с характерными свойствами русского менталитета, неоднократно проявлявшегося в российской истории.*

Однако сказанное выше касается, скорее, не столько самой действительности, сколько ее восприятия; действительность формируется отдельными индивидами, а не тенденциями. Такая

логика вполне вписывается в исследование идентичности: идентичность есть восприятие или соотнесение воспринимаемого со смылосодержащим. Тенденции условны, так же как условны слои, страты, классы, и в то же время у любого труда или занятия существует свой смысл или смысловая идентичность. В этом ракурсе весьма любопытно рассмотреть осмысление своего труда представителями одного из смылосодержащих слоев нашего общества – российской интеллигенции.

Какими бы ни были отзывы современников о российской интеллигенции XIX–XX вв. – как о «лицемерной, фальшивой, истеричной, невоспитанной, ленивой» [12, с. 99–101] или же как о «самом образованном, культурном и передовом слое общества известной страны. <...> ...Самом просвещенном, деятельном, нравственно развитом и общественно подготовленном классе граждан. <...> ...Собирательной душе русского общества и народа» [13, с. 81–88] – точки зрения авторов как «Вех», так и «Подгнивших “Вех”» сходятся в одном: интеллигенция живет социальной религией гуманизма, готовая жертвенно служить и просвещать российский народ для достижения социальной утопии народовластия. Именно интеллигенция подготовила благоприятную почву для революции 1905 г., активно влияя на умонастроения и распространяя народофильские и марксистские идеи среди пролетариата и крестьян. Благодаря «монополии европейской образованности и просвещения» [14, с. 45] в руках интеллигенции оказались «судьбы Петровой России»; в ее руках, надо полагать, в определенном смысле находится и судьба Российской Федерации.

Однако интеллигенция сегодня далека от народнических идей. Как показывают исследования, представители современной интеллигенции не жаждут работать в сельских школах и больницах; «каждый второй учитель (50,6 %) живет на селе свыше 10 лет, а 33,6 % – всю свою жизнь, то есть с рождения» [15, с. 51]. Иными словами, на селе работают те учителя, которые родились и выросли в деревнях и селах и хорошо знакомы с сельскими обычаями и бытом.

Из этого неизбежно вытекает серьезная проблема осмысления своего труда российской интеллигенцией: если дореволюционная интеллигенция пыталась воплотить в жизнь социально-утопический идеал, то представители современной интеллигенции, будучи далеки от него, все более склонны в наши дни идентифицировать свою деятельность не как социальное служение, но как *служение религиозное*. Об этом косвенно говорят данные опроса 2015 г.: 46 % москвичей и петербуржцев, то есть жителей городов, в которых процент людей с высшим образованием намного превышает показатели других регионов, хотят, чтобы религиозные ценности играли важную роль в социальной жизни [16]. Надо полагать, что представители современной интеллигенции не хотят, чтобы Россия приобрела государственную религию: 64 % опрошенных россиян высказались за сохранение конституционной нормы о светском государстве [17]. Данные при этом не содержат указания социального статуса и рода занятия опрошенных, поэтому вполне вероятно, что представители интеллигенции поддержали эту норму, поскольку они все менее ассоциируют свою деятельность с политическим или гражданским преобразованием, но все более склоняются к *религиозной самоидентичности*.

Отсюда можно сделать предварительный вывод о том, какие линии идентичности выстраиваются в российском обществе: люди, занятые физическим трудом, склонны к компромиссу с криминальными и финансовыми структурами в России, в то время как представители интеллигенции, то есть профессий умственного труда, склонны к религиозной идентичности и компромиссу с РПЦ и иными религиозными организациями.

Для придания большего научного веса нашим теоретическим построениям приведем результаты опроса, целью которого являлось исследование идентичности современной молодежи. В рамках проводимого исследования была применена стратифицированная выборочная совокупность – опрашивались студенты гуманитарных вузов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, из генеральной совокупности в 750 анкет для данной статьи случайным образом была отобрана 101 (бесповторная случайная выборка).

Студентам предложили охарактеризовать свою идентичность в письменном виде, ответив прилагательным или существительным на вопрос «Кто я?». Анкета содержала семь характеристик Я-концепции, полученных в виде продолжения фразы «Я – это» и поименованных авторами на условиях анонимности.

Процент брака анкет из отобранной 101 – 0,99. (Неправильно оказалась заполнена одна анкета, мы вынуждены считать ее недействительной, хотя содержание ответа на вопрос «Кто я?» мог бы порадовать исследователей обретением искомой идентичности: автор записал себя как «гражданин Российской Федерации, любящий свою Родину». Однако это – только одна из искомым семи характеристик, поэтому данная анкета при обработке не учитывалась.)

Так, из оставшихся 100 – что даже упрощает расчеты и делает их результаты более «выпуклыми» – анкет, имеющих указание на гражданскую идентичность, семь. 7 % – значение, которое «укладывается» в рамки «обыкновенной» (до 10 %) оценки результатов исследования на

надежность, также известной как «погрешность выборки» [18, с. 68]. Удручающая картина, свидетельствующая – в зависимости от трактовки – либо об отсутствии, либо о несформированности сегмента, отвечающего за «гражданскую идентичность». Молодые граждане России практически не позиционируют себя в каком-либо качестве в рамках собственного государства.

Отметим, однако, что те анкеты, которые имеют указание на гражданскую позицию, могут внушать определенный оптимизм. Так, в пяти случаях из семи указание «гражданин России» (так же как и «гражданин Российской Федерации») совмещается с такой характеристикой, как «патриот». Это вполне отвечает векторам пассионарного развития, самих пассионариев, как известно, не может быть избыточное количество, иначе мы уже говорим о надломе и появлении субпассионарных форм, превалирование которых разрушает этногенез [19]. Не будем проводить параллелей с нынешними европейскими странами, скажем лишь, что об обоснованности «Заката Европы» [20] последнее время пишут многие [21, с. 134–142] и, что еще более печально, на наших глазах европейский государственный дизайн претерпевает существенные изменения. Существенное количество стран в ближайшее время столкнется с проблемой формирования новой идентичности, отвечающей новым для Европы и мира глобальным угрозам.

Российской Федерации в этом отношении, если разделить точку зрения методологического оптимизма, «повезло» в большей степени: формирование идентичности «с чистого листа» значительно проще, чем калибровка и виртуозное изменение существующей, укоренившейся и возведенной в ранг объекта для подражания. Тем большая ответственность ложится на тех, кто выступает в качестве субъекта, формирующего идентичности, то есть на государство. От его взвешенной и продуманной политики, равно как и от участия граждан, зависит конечный итог: как быстро будет сформирована новая гражданская идентичность в России и какие компоненты, присущие именно этой стране, будут в ней отражены.

Ссылки:

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск, 1999.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. 2-е изд. Новосибирск, 1997.
3. Ильин И.А. О грядущей России. М., 1993 ; Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 2005 ; Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996 ; Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 475–574.
4. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. 2015. № 5. С. 9–24 ; Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013 ; Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.
5. Бызов Л.Г. Современная Россия: в поисках новой национальной субъектности // Россия и мир: анатомия современных процессов : сб. ст. М., 2014. С. 147–169.
6. Федотова В.Г. Указ. соч. С. 42–43.
7. Там же. С. 43–44.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818.
9. Там же. С. 71.
10. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., 1991. С. 274–282.
11. Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 82.
12. Чехов А.П. Письмо Орлову И.И., 22 февраля 1899 г. Ялта // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. Т. 8: Письма, 1899. М., 1980. С. 99–101.
13. Боборыкин П.Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 81–88.
14. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 43–84.
15. Силласте Г.Г. Сельское учительство: образ жизни и адаптационный ресурс // Социс. 2002. № 9. С. 50–59.
16. Церковь и общество: вместе или порознь? [Электронный ресурс] : пресс-выпуск ВЦИОМа № 2861. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (дата обращения: 18.11.2015).
17. Там же.
18. Общая социология: теория и прикладные исследования / В.А. Ядов, В.Я. Беляев, В.Ф. Марарица, П.Н. Оконешников. СПб., 2001.
19. Лев Гумилев. Pro et contra: Личность и творчество Л.Н. Гумилева в оценках российских мыслителей и исследователей : антология / сост.: Н. Дорошенко, И. Кефели. СПб., 2012.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. М., 1993.
21. Сатановский Е.Я. Жил-был народ... Пособие по выживанию в геноциде. М., 2015. С. 134–142.

References:

1. Fromm, E 1999, *The anatomy of human destructiveness*, Minsk.
2. Akhiezer, AS 1997, *Russia: historical experience of the critic*, 2nd ed., Novosibirsk.
3. Ilyin, IA 1993, *About the upcoming Russia*, Moscow; Lossky, NO 2005, *The nature of the Russian people*, Moscow; Frank, SL 1996, *Russian world*, St. Petersburg; Shpet, GG 1989, 'Introduction to Ethnic Psychology', *Works*, Moscow, p. 475-574.
4. Drobizheva, LM & Ryzhova, SV 2015, 'Civic and ethnic identity and the image of the desired state in Russia', *Polis*, no. 5, p. 9-24; Tishkov, VA 2013, *The Russian people: history and sense of national identity*, Moscow; Fedotova, VG 2005, *Good Society*, Moscow.
5. Byzov, LG 2014, 'Modern Russia: in search of a new national subjectivity', *Russia and the world: the anatomy of modern processes*, Moscow, p. 147-169.
6. Fedotova, VG 2005, *Good Society*, Moscow.

7. Fedotova, VG 2005, *Good Society*, Moscow.
8. Karamzin, NM 1818, *History of Russian Government*, vol. 1, St. Petersburg.
9. Karamzin, NM 1818, *History of Russian Government*, vol. 1, St. Petersburg.
10. Lossky, NO 1991, *Terms of absolute good: Fundamentals of Ethics; The nature of the Russian people*, Moscow, p. 274-282.
11. Karamzin, NM 1818, *History of Russian Government*, vol. 1, St. Petersburg.
12. Chekhov, AP 1980, 'Letter to Orlov II, 22 February 1899 Yalta', *Complete works and letters: 30 vols. Letters: 12 vols., vol. 8: Letters, 1899*, Moscow, p. 99-101.
13. Boborykin, PD 1904, 'Russian intelligentsia', *Russian thought*, no. 12, p. 81-88.
14. Bulgakov, SN 1991, 'The heroism and selfless devotion (From the reflection on the religious nature of the Russian intelligentsia)', *Vekhi. Intellectuals in Russia: 1909-1910*, Moscow, p. 43-84.
15. Sillaste, GG 2002, 'Rural teaching: a way of life and adaptation resource', *Sotsis*, no. 9, p. 50-59.
16. *The Church and society: together or separately?: Press release of VTsIOM no. 2861* 2015, retrieved 18 November 2015, <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295>>.
17. *The Church and society: together or separately?: Press release of VTsIOM no. 2861* 2015, retrieved 18 November 2015, <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295>>.
18. Yadov, VA, Belyaev, VY, Mararitsa, VF & Okoneshnikov, PN 2001, *General Sociology: Theory and applied research*, St. Petersburg.
19. Lev Gumilev. *Pro et contra: Personality and creativity LN Gumilev in the estimates of Russian thinkers and researchers: an anthology* 2012, St. Petersburg.
20. Spengler, O 1993, *Decline of the Europe. Image and reality*, Moscow.
21. Satanovskiy, EY 2015, *There was the people ... Benefit survival of genocide*, Moscow, p. 134-142.